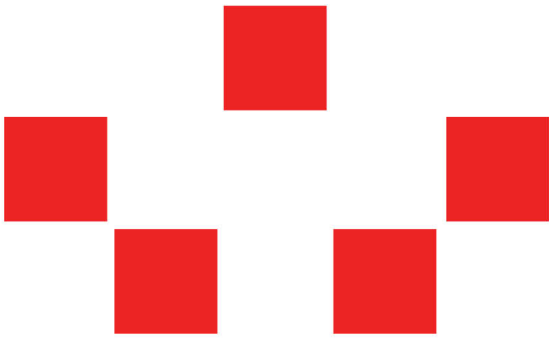

Исследования

«Une grande passion» [великая страсть] - привилегия людей, которые нечего делать. ← Правда на сто процентов. До сего дня поэзия не ищет расцетса простым куском хлеба. До сего дня поэзия, будничной труд не поэтичен.

Исследования

О стихах Р. Г. Назирова

А. М. Буранчин

Центр гуманитарных исследований Республики Башкортостан

В настоящий момент из архива извлечено и набрано 92 стихотворения Р. Г. Назирова, включая наброски к поэме «Времена года». Вероятно, в последующем найдутся и другие образцы его поэзии, хотя, опираясь на имеющийся круг источников, уже сегодня, говоря о назировских стихах, можно сделать определенные выводы. Большинство из них, к сожалению, не имеет датировки, тем не менее, на некоторых стоит день, месяц, год и даже место написания. Первое датировано 1951-м годом, последнее — 1962 г. И, опираясь на биографию ученого, составленную Б. Ореховым и С. Шауловым¹, а также по содержанию самих стихов, можно с высокой долей уверенности предположить, что они были написаны главным образом в указанный промежуток времени, во всяком случае, основная их часть². Таким образом, первое стихотворение появилось на свет, когда Назиров был юношей, оканчивающим школу, а последнее (из введенных в оборот) — в относительно зрелом двадцативосьмилетнем возрасте. Видимо, с желанием стать поэтом Ромэн Гафанович расстался еще раньше, чем с писательскими амбициями, хотя и продолжал писать рассказы, повести и романы до середины 70-х годов³. Следовательно, читая их необходимо помнить, что они написаны молодым человеком, социализация которого проходила в сложной и противоречивой атмосфере политической жизни советского общества 1950-х–60-х годов, в период развенчания культа личности и относительной либерализации действующей системы. Когда в сфере искусства наметились мощные тектонические сдвиги и были сделаны попытки, отойдя от принципов соцреализма, расширить поле советской литературы, в том числе и в поэзии.

Стихи Назиров, судя по всему, начал писать раньше, чем перешел к своим прозаическим опытам, что в условиях советского литературоцентризма было распространенным и типичным для СССР явлением, где чуть ли не каждый второй школьник сочинял их или мечтал стать известным поэтом. Этому способствовали и творческая семейная среда, и рано проявившиеся способности самого юноши.

¹Орехов Б. В., Шаулов С. С. Очерк научной биографии Р. Г. Назирова // Назировский архив. 2015. № 2.

²Если быть точным из 92 стихотворений в 1951 году написано 2; в 1952 г. — 1, 1953 г. — 5, 1954 г. — 4, 1955 г. — 4, 1957 г. — 4, 1958 г. — 7, 1959 г. — 3, 1960 г. — 3, 1961 г. — 6, 1962 г. — 1. Таким образом, датированных рукописей стихов — 40, без дат — 52. Поэтому речь в статье идет, скорее, о попытке литературной реконструкции, основанной на анализе биографических данных и имеющихся стихотворных текстов.

³Орехов Б. В., Шаулов С. С. Очерк научной биографии Р. Г. Назирова // Назировский архив. 2015. № 2. С. 105.

Стихотворения Р. Г. Назирова ценны, прежде всего, как биографический и исторический источник, хотя в художественном плане во многом невыразительны и банальны; обладают слабым суггестивным воздействием. Осилить их за раз довольно утомительно, из-за однообразного, громоздкого и, порой, неровного слога. Они намного слабее, чем, скажем, образцы его поздней прозы, которая также, по мнению некоторых исследователей, является «слабой прозой»⁴. Читая их каждый раз ловишь себя на мысли: почему будущий выдающийся литературовед и ученый, обладавший несомненным художественным чувством и интуицией мог писать такие наивные и часто нелепые стихи? Примечательно также, что за все время своего стихотворчества, Назиров как поэт, практически никак не эволюционировал: его стихи 1950-х годов качественно мало чем отличаются от стихов начала 60-х. Конечно, под конец он постарался расширить свой поэтический горизонт, перейти к более глубоким философским размышлениям и даже к поэмам, однако особых успехов в этом направлении не достиг. И это при том, что еще в школьные годы он самостоятельно, чтобы читать и делать переводы рассказов Бальзака, выучил французский язык (как позднее немецкий и итальянский). Также в архиве встречаются назировские переводы из польской и английской прессы⁵. Существуют и его опыты переложения поэзии французских сюрреалистов⁶. Это стихотворения Андре Бретона («На взгляд богов»), Бенжамена Пере («Мемуары Бенжамена Пере») и Поля Элюара (из сборника «Любовь поэзия»). В этой связи любопытно отметить стихотворение 1953-го года («Ты помнишь день?»), на рукописи которого двадцатилетний Назиров сделал пометку: «Одна строчка — плагиат из Верлена». Оно достаточно интересное, в нем есть изысканная и утонченная лиричность с эротическими мотивами, что в целом не характерно для его поэзии. Приведем для примера две строфы из него:

В тот душный жаркий день вдруг сбились мы с дороги,
Усталых путников прохладный лес манил.
Просилось тело лечь, и не держали ноги,
Покинуть заросли у нас не стало сил.

И там, в густой тени, мы наземь опустились.
Был лес высок, и даль небес светла.
Мы обнялись с тобой, сердца сильней забились,
И ты впервые узкий пояс свой сняла.

Однако это скорее редкое исключение, а основная масса стихотворных текстов представляет собой странную смесь образцов советского соцреализма с подражанием поэзии русских классиков главным образом «серебряного века». Тем не менее, именно эта парадоксальность (параллельное сосуществование в его сознании профанного, дилетантского и,

⁴Орехов Б. В. Назиров-писатель: внесистемный профессионал или рефлексирующий дилетант? // Назировский архив. 2017. № 2. С. 100.

⁵Орехов Б. В., Шаулов С. С. Очерк научной биографии Р. Г. Назирова // Назировский архив. 2015. № 2. С. 86.

⁶Назиров Р. Г. Переводы из сюрреалистов // Назировский архив. 2014. № 1. С. 68–72.

одновременно, хорошее знание и понимание высокохудожественных текстов), некая раздвоенность, которая проявилась еще в ранние годы, наиболее четко прослеживается в стихах, а не в прозе ученого. С одной стороны, молодой Р. Назиров был типичным продуктом советской системы¹, сознание его было «сакрализовано» и, на наш взгляд, излишне политизировано (вероятно из-за того, что он был сыном репрессированного партийца)²; находилось под сильным давлением мифов и идеологии правящего режима. С другой, в нем уже тогда шла скрытая работа, и создавались предпосылки для последующего отхода от полюса официальной культуры к полюсу свободного и автономного творчества, от мифопоэтического синкретизма к научно-рациональному постижению сути различных процессов и явлений.

Главная ценность стихотворных текстов Р. Г. Назирова состоит в том, что в отличие от прозы, они позволяют увидеть его внутренний мир, ход мыслей, личные переживания, а также образ жизни, который он вел в этот период. Большинство из них, особенно в которых повествование идет от первого лица (кроме «поэм»), основано на личном жизненном опыте, хотя точно определить, где реальное событие, а где художественный вымысел, уже невозможно. Значительная часть стихов Назирова — это любовная лирика. И, как всякий начинающий поэт, он старался опереться на существующую литературную традицию. Показательно, что к одному из своих стихотворений («Воспоминание»), он делает приписку: «кажется, подражание К. Симонову». Однако, если и говорить о подражании, то первое что бросается в глаза в его стихах, это сильное, вплоть до прямого заимствования тем и речевых оборотов, влияние поэзии С. Есенина и В. Маяковского, что во многом является результатом воздействия литературной иерархии навязанной советской идеологией. Можно, конечно, допустить, что в 50-е годы он еще не был знаком с творчеством, скажем, О. Мандельштама и других запрещенных в тот момент поэтов «серебряного века». Однако в числе официально публикуемых тогда писателей были Б. Пастернак и Н. Заболоцкий, а также частично реабилитированная к этому времени литература 1910–1920-х годов, но эти пласты культуры практически не отразились в его поэтическом языке. Наверное, это связано и с особенностями формирования литературы периода «Оттепели». По мнению М. Берга, в те годы даже «такие журналы как «Юность» или «Новый мир», являясь выразителями «оттепельного» неотрадиционализма, в равной степени противостояли как традиционному соцреализму, так и новаторским течениям в современной литературе, пытаясь выстроить концептуальную линию без учета не только мировой, но и русской литературы 1920–1930-х

¹В 1995 г., заполняя личный листок по учету кадров Назиров в графе «национальность» пишет: «татарин», что было обычной и формализованной практикой для бывшего населения СССР в вопросах этнической самоидентификации. Однако считать его татариним или евреем, было бы, на наш взгляд, ошибкой, поскольку он вырос в деэтнизированной городской среде, с детства не говорил на татарском или еврейском языках; у него не было соответствующего окружения из числа близких родственников и т. д. Установки союзной (общегражданской) идентичности явно преобладали в нем над идентичностью региональной или этнической (хотя определенный интерес к своим корням у него присутствовал). Назиров, таким образом, был в этом смысле типичным советским человеком. См.: Личный листок по учету кадров Р. Г. Назирова // Назировский архив. 2014. № 1.

²В 1938 г. его отец Гаффан Шамгунович, был расстрелян вместе с видными представителями башкирской национальной интеллигенции: Даутом Юлтыем, Тухватом Янаби, Габдуллой Амангаем и др.

годов»¹. Во всяком случае в 60-е годы Назиров уже точно знал широкий круг поэтов самых различных эпох и направлений. Существует и назировская дневниковая запись по этому поводу, которая позволяет определить его тогдашние литературные предпочтения: «Сейчас я выше всех поэтов ставлю Лорку и Тувима. Снова начал любить Бодлера. Очень люблю Марину Цветаеву. Из наших — Луговской, Заболоцкий, Слуцкий, Мартынов. Несколько интересуется Гумилёв»². Кроме того, в дневниках этого времени встречаются выписанные стихотворения Иосифа Бродского и польского поэта К. И. Галчинского³. Известно также, что он с иронией относился к Е. Евтушенко и А. Вознесенскому, тепло отзывался о песнях Б. Окуджавы.

Влияние Маяковского настолько значительно на поэзию Назирова, что невольно возникает вопрос: а есть ли в этом лирическом герое, который постоянно громит мещанство, нарочито груб и прямолинеен, но одновременно прост и сентиментален, сам Назиров или это все-таки образ пролетарского «агитатора, горлана-главаря»? Однозначно ответить на него сложно, и поэтому, читая стихи, следует учитывать это обстоятельство и крайне осторожно делать оценки и выводы. Особенно когда, говоря о проходящей мимо девушке, он использует выражения такого рода:

Красивый стан, походка королевы,
А волосы — как золотой венец.
Смотрю спокойно я. «Отлиты все вы,
Все — на один и тот же образец.

Ласкается — погладь её нежнее.
Упрямится — ударь её хлыстом».
И я шаги замедлил перед нею,
Чтобы в лицо ей выпалить дымком.

Или когда на есенинский манер обращается к читателю со словами («Мое счастье»):

Отчего вы смеётесь, проклятые?
Я не пьян, я нисколько не пьян.
Мне приснилось моё невозвратное
Через винный горячий туман.

Порой Назиров пользуется и образами Есенина («Звезда»):

Нет, плакать не могу. Я всё уже истратил,
Всё до последней выплакал слезы.

¹Берг М. Ю. «Литературократия». Проблема присвоения и перераспределения власти в литературе. М., 2000. С. 79.

²Орехов Б. В., Шаулов С. С. Очерк научной биографии Р. Г. Назирова // Назировский архив. 2015. № 2. С. 103.

³Там же. С. 102.

Мне весело, когда по небу ветер катит
Большую скалку матери грозы.

В стихах встречаются и прямые отсылки к самому автору:

«Ну, Ромочка, милый, зайдем!» — Нет.
Я вырвусь и хлопну дверью.
Какой бы ни был я паршивый поэт
А в кабацкое счастье не верю.

Неверно также думать, что поэзия Назирова представляет собой одно лишь слабое подражание классикам. Иногда ему удавалось найти очень оригинальные обороты или создать строфы, полные тонкого лиризма:

Мы помним взгляд живой и зыбкий,
И глаз изменчивых цвета,
Змеиный блеск её улыбки
И родинку у края рта.

(«Воспоминание»)

Свет фонарей дрожит и льётся зыбко,
Часы летят, минуты коротки.
Я унесу с собой твою улыбку
И снежный запах маленькой руки.

(«Снег в городе»)

Но это скорее исключение и от влияния творчества Маяковского он так и не смог избавиться, даже в конце 50-х годов продолжая писать стихи следующего характера («В час ночи»):

Ну, полно те хныкать! Платок достань-ка,
Вытри слёзы с личика.
По небу гуляет бесстыжая Манька —
Луна без трусов и без лифчика.
Такая паскуда! Ей только монету,
А там — катай, как хошь её.
... Хочу закурить, а спичек нету.
И нынче не курят прохожие.

Или в стихотворении 1959 года под названием «Волшебство»:

Мы — новые, нет этой нудной трясины,
В глазах отчуждённости холод пропал.
Я видел: пропойца трёхлетнему сыну
Яблоко
    рыжее
        покупал.

По злой иронии судьбы в 1960 году будущий ученый-достоевсковед пишет такие строки («Покончено ещё с одной мечтою»):

Я обнимал её с такою силой,
Ещё немного — брошу и сомну...
Но отвращенье тайное сквозило
В её лице, повёрнутом к окну.
Кому смешно, а мне до боли мерзко.
Похолодело у меня в груди.
За этим всем из гроба Достоевский
С садистским удовольствием следил.

Молодой Назиров подобно сейсмографу, чутко реагировал на важнейшие общественно-политические события, происходившие в Советском Союзе и в мире, что по-своему преломлялось в его стихах. В 1962 г. накануне исторического запуска космической ракеты, он пишет восторженное и полное веры в человеческие возможности, стихотворение, проникнутое мессианскими предчувствиями и настроениями («Накануне старта»). Интерес представляют и, обращенные неизвестному адресату, стихи «Другу и ровеснику» (1958), который, судя по всему, покончил с собой. В них, помимо размышлений о поколении, которому «не хватает силы», которое не терпит «боли и слез», Назиров полунамеками и туманными фразами говорит о событиях, предположительно, связанных со смертью Сталина и началом хрущевской «оттепели».

Пересменок роковой, опасный!
Устоять сегодня мы должны.
Хоть и трудно ждать за пеной красной
Появленья голубой страны.

Последние строфы стихотворения, которое по форме и содержанию отдаленно напоминает известные стихи Маяковского на смерть Сергея Есенина, удачны и оригинальны; проникнуты антисталинскими, антитоталитарными мотивами:

Под тобою подломились ноги,
Ты с сомненьем глянул в пистолет,
И тогда-то он, тупой и строгий,

Дал тебе уклончивый ответ.
... Будет светлый полдень в целом мире:
Ты поднимешь голову в гробу,
И архангел в маршальском мундире
Затрубит в огромную трубу.
И сидеть на золотом сиденье
Будет бог в блестящих башмаках.
Ты же, как свидетель обвиненья,
Принесёшь свинец в своих кишках.

Конечно, Назиров, особенно в этот период, был вполне лоялен власти, горячо и искренне верил в советский проект, однако вопросы, связанные с репрессированным в 1938 году отцом (из-за чего он не смог поступить Ленинградский пединститут), волновали и не давали ему покоя. В стихотворении 1961 г. («На улицах родного города»), есть такие строки, которые косвенно свидетельствуют об этом:

Изволтузили, исколошматили,
А потом заявляют, что я пессимист.
Да ну их всех к чёртовой матери!
Я перед советским отечеством чист.

В целом следует отметить, что в характере Назирова, на наш взгляд, явно проглядывают черты, если так можно выразиться, ущемлённого «сословного» сознания. Будучи сыном крупного, по местным меркам, советского партийного деятеля, члена башкирского правительства¹ и матери из среды близкой к «старой гвардии» большевиков-ленинцев, он, безусловно, чувствовал, что судьба была к нему не совсем справедлива. Что уцелей, к примеру, в сталинских чистках его отец, то он, по факту своего положения, попал бы в ряды детей региональной номенклатурной элиты, т.н. «золотой» молодежи. Именно поэтому неосознанное желание вернуть свой утраченный социальный статус, могло стать мощным стимулом в реализации его, в том числе и творческих, амбиций.

Следует также выделить ряд стихотворений, посвященных теме войны в широком смысле, и военной тематике. Человек своего времени, молодой Назиров нес в себе многие черты и психологические травмы послевоенного поколения, включая и милитаризацию сознания, которая была важной составляющей работы советской идеологической машины. К примеру, в 1951 г. восемнадцатилетним юношей он пишет патриотичные, но довольно воинственные стихи под названием «Тучи нам грозят громами», в котором фигурирует некий, живущий «за синим морем» «враг», собирающийся в поход. Кто здесь конкретно подразумевается под «врагом» понять сложно, но известно, что в начале 50-х годов в советской внешнеполитической пропаганде пересекались и стимулировали друг друга две основные линии,

¹Он возглавлял управление по делам искусств при Совнарком БАССР, что по нынешним меркам соответствует рангу министра культуры.

которые в конечном счете способствовали закреплению в общественном сознании образа американского милитаризма: корейская и западноевропейская, прежде всего германская. Существует и стихотворение написанное под впечатлением от общения с каким-то военным, участником Великой Отечественной войны («Тревожное»). К нему рукой Ромэна Гафановича сделано пояснение: «Это сон после рассказов фронтовика». Однако постепенно милитаристский накал снижается в его стихах, в них появляются антивоенные нотки. Уже в стихотворении «Лето 58-го» Назиров, потрясённый произведённой американцами в 1945 году атомной бомбардировкой города Хирасимы, пытается философски осмыслить новую угрозу; выражает тревогу и страх за будущее мира, который становится заложником «игр» военных и политиков. Окончательный поворот в оценке войны происходит в стихотворении «Ты прополз по мелкому осиннику» 1961 года. В нем повествуется о судьбе бывшего фронтовика, который совершил боевой подвиг на войне, был награжден, но спился и не нашел себя в мирное время («на тоску, скандалы и на водку, золотая слава разошлась»). И вот:

... теперь, с сознанием права,
У киоска с газированной водой
Штрафника и кавалера Славы
Бьёт в лицо дружинник молодой.

То есть здесь уже не только стремление показать «оборотную», негативную сторону войны, чего не было тогда в дискурсе официальной культуры, но и присутствуют определенные антиэтатистские мысли о бездушности, циничности тоталитарной системы. Темы, которые наиболее полно нашли свое отражение в творчестве В. Высоцкого (песни «Штрафные батальоны», «Про Сережку Фомина», «Все ушли на фронт» и др.). Можно сравнить слова инвалида из песни Владимира Семеновича «Я был батальонный разведчик», с указанным стихотворением Назирова:

Скупую слезой фронтовую
Гвардейский рыдал батальон,
Когда я геройской звездой
От маршала был награжден.
Потом мне вручили протезы
И быстро отправили в тыл,
Скупые мужицкие слезы
Кондуктор в вагоне пролил и т.д.

И даже концовка практически одинаковая: с обращением к народу и России, у Назирова:

До чего ж мы всё-таки в России
Тёмный и запутанный народ!

У Высоцкого:

Ох, люди вы, русские люди,
Подайте на чарку вина.

В целом в стихах Назирова есть определенные тематические параллели и схожие интонации с текстами песен В. Высоцкого (особенно в стихотворении 1962 г. «Была на танцы и наряды падкой»), хотя он нигде о нем открыто не упоминает¹. Предположение, что Ромэн Гафанович мог не слышать или не ценить его как поэта-песенника, кажется маловероятным.

Отдельное место в поэзии Назирова занимает пространство, имеющее региональную и локальную «привязку», особенно относящееся к столице Башкирской АССР — Уфе. В стихах можно встретить упоминания названий — реки Белой («Мы встречались в парке над рекою Белой»), Демы («Двое в лодке»), города Салавата², включая общие описания природы. В Салавате молодой Ромэн мог побывать, когда работал в редакции «Ленинца». В стихотворении речь идет о молодой девушке-заводчанке, которая после смены спешит домой. Оно проникнуто светлым лиризмом и желанием Назирова опоэтизировать труд советского человека («На улицы прямые Салавата»).

В истории Уфы 40-е и 50-е годы, это, прежде всего, годы активной послевоенной застройки, строительства новых промышленных объектов и расширения существующих производств. Во времена Великой Отечественной войны в Уфу и другие города республики свозились, эвакуированные в срочном порядке промышленные объекты с оккупированных, в последствии, территорий. В эти же годы интенсивно застраивалась четная сторона проспекта Октября, существовали уже кинотеатр «Родина», сквер им. Ленина и другие знаковые объекты. Возводились новые дома. Еще одна грандиозная стройка того времени — построенный в 1956 г. мост, соединяющий два берега реки Белой, недалеко от дельты рек Белой и Уфимки. Новый, качественный этап в развитии Уфы начинается с 70-х годов, когда ее облик приобретает современные черты.

В социокультурном плане Уфа была городом со слаборазвитой городской культурой, с неустроенным бытом. И читая стихи Назирова, кроме незримо присутствующего уфимского пейзажа, можно увидеть и почувствовать дух и атмосферу того времени — с ее ночными фонарями, студентами и рабочей молодежью; с праздничными демонстрациями перед памятником Ленина; с танцплощадками, сделанными из досок; с ресторанами и столовыми, шпаной и пьяными драками. Наконец, услышать отголоски бытового языка, на котором разговаривали тогдашние уфимцы. Наверное, здесь сказалось и то, что он был еще очень молодым человеком, который любил погулять и выпить в шумной компании (судя по стихам), знакомиться с девушками. Есть интересное в этом смысле стихотворение Назирова, в котором, как нам кажется, отразились факты из его реальной жизни («Сегодня как будто свежее»).

На улицах много народа,

---

¹Орехов Б. В., Шаулов С. С. Очерк научной биографии Р. Г. Назирова // Назировский архив. 2015. № 2. С. 103.

²Крупный промышленный город в Башкирской АССР.

Закатные краски горят.
«Какая же завтра погода?» –
Друзей вопрошаю подряд.
– «Неважно» – друзья отвечают. –
Гуляем сегодня – лафа».
И вот уж я полночь встречаю
Сижу в ресторане «Уфа».
... О чём-то приятели спорят,
И джаз Бочарова гремит.
Меня среди винного моря
Предчувствие злое томит.
Я пью и совсем не пьянею. . .

Упомянутый в тексте ресторан «Уфа» был в это время известным и модным местом столичной «тусовки», куда приходили в том числе, чтобы послушать джаз. Поэтому эпитет «гремит» в данном случае можно интерпретировать и в значении слова «знаменитый». Как утверждает композитор А. Хасаншин, годом рождения джаза «в Уфе можно считать 1949 год – тогда сюда приехали репатрианты из Шанхая, а именно джаз-оркестр Бориса Бочарова (около 15 человек) и часть оркестра знаменитого Олега Лундстрема. Большая часть этих людей задержалась в Уфе ненадолго, но остались их записи, грампластинки, манера свинговать. Вскоре появился джазовый оркестр в кинотеатре «Победа»¹. В целом в стихах много сюжетов, связанных с атмосферой и интерьером местных «ресторанов и кабаков», где стоят блюда с дымящимися сигаретами, белеет скатерть с мокрым пятном от пролитой водки и т.д.

Судя по черновикам у молодого Р. Назирова были замыслы написать и более крупные поэтические произведения. К примеру, в архиве имеются стихи с надписью «К финалу поэмы “Для меня”». Однако о чем она и какой планировался сюжет, понять трудно. Скорее всего, что-то связанное с советско-революционной тематикой. Есть и значительный по размеру набросок с зачеркнутым названием «Проклятие», который также, видимо, является замыслом ненаписанной поэмы. В нем (как и в стихотворении «Грешница») присутствуют мотивы западноевропейской литературной традиции, намечена сюжетная линия. Основное действие происходит глубокой ночью в парке, где идет веселый и шумный маскарад. Главный герой и его друг, похожие голосом, одинаковые ростом, оба в масках и в черном домино, расходятся опьяненные танцами и вином. Затем герой встречается с прекрасной незнакомкой, которая принимает его за другого и признается ему в любви. Несмотря на очевидную банальность сюжета, оно интересно тем, что в нем Назиров постарался отойти, от привычного для себя, описания окружающей советской действительности и выйти на более широкие

¹Барановский А. Джаз — это настоящее искусство. Интервью с композитором Азаматом Хасаншиным // Истоки. 2013. № 49–50 (869–870). 13 декабря. С. 23.

художественно-исторические темы, что позднее было реализовано им в рассказах о русских писателях, в романе о Пушкине и в незаконченном романе «Звезда и совесть».

Наконец, наиболее крупными по объему являются наброски к поэме «Времена года». Судя по составленному плану, это должно было быть широкое лирическое произведение, состоящее из четырех глав или разделов. В заглавии рукописи есть надпись Ромэна Гафановича с их примерными названиями и сюжетными линиями: 1) Весной полюбил, 2) Летом играла, 3) Осенью сказала: «люблю другого», 4) Зима». О масштабах задуманной поэмы говорит тот факт, что Назирову удалось написать, хоть и не завершённую, но большую по объему (I–IX) первую главу, соответствующую «Весне». В ее основе история взаимоотношений местного хулигана Ивана Макарова по кличке Фарфор и девушки Ани. Главный герой — хулиган и мелкий грабитель, но при этом решительный и смелый человек, способный к высоким чувствам. Это довольно распространенный для того времени социальный типаж, внутренний мир которого хорошо показан, к примеру, в раннем периоде творчества В. Высоцкого, в песнях: «Татуировка», «Песня о Нинке», «Красное, зеленое», «У тебя глаза как нож», «Что же ты, зараза?» и др. Его возлюбленная Аня также из обычной и многодетной семьи («Она в семье большой и дружной Среди сестер своих росла»). Гротескный толстяк — ее ухажер, прилично одетый и имеющий более высокий статус, выставлен явным антиподом симпатичному хулигану. Можно предположить, что и дальнейшее развитие сюжета шло бы в сугубо лирическом ключе, а в финале поэмы, героиня (если исходить из плана) бросила бы Ивана, полюбив другого.

В 50-е годы молодой Назиров активно пишет стихи, прозу и мечтает стать признанным поэтом или писателем. Работая сельским учителем в с. Бишкаин Аургазинского района БАССР, он специально приезжает в Уфу, где в апреле 1958 г. открывается второй пленум оргкомитета союза писателей РСФСР. Там пытается знакомиться с писателями, среди которых Сергей Михалков, Ярослав Смеляков, Валентин Катаев. Последнему Назиров вручил рукопись своего произведения¹. Встречается в номере гостиницы «Башкирия» с «официальными» советскими поэтами Смеляковым и Лукониным. Читает им свои стихи. Они его снисходительно критикуют, но советуют писать дальше. Примечательно, что после этих встреч у Назирова не только появляются признаки «комплекса провинциала», но и звучат нотки разочарования (Катаев ему так и не написал). Возможно, именно с этого момента он начинает сомневаться в своем поэтическом даровании. В дневнике Назиров сообщает, что отправил «зимой Михаилу Светлову 3–4 своих стихотворения, даже, кажется, в конце 1957 года, а ответа нет как нет. Москва не может думать о нас, провинциалах»².

В 1954 г. Назиров, будучи еще студентом филологического факультета Башкирского пединститута, начал печататься в молодежной газете «Ленинец», которая появилась тогда на волне хрущёвской «оттепели». После года учительства в бишкаиновской школе он возвращается в Уфу, где устраивается на работу в эту же газету в должности заведующе-

¹Орехов Б. В., Шаулов С. С. Очерк научной биографии Р. Г. Назирова // Назировский архив. 2015. № 2. С. 93.

²Там же. С. 94.

го отделом литературы и искусства. Начитанный и широко образованный Назиров, сразу становится центром притяжения и авторитетом для пишущей молодежи. По словам современников: «Вокруг Назирова, который считался корифеем в поэзии, литературе, искусстве, крутилось множество талантов <...> В редакции газеты Ленинец, в ее коридорах вечно толпился молодой народ. За консультацией к Ромэну Гафановичу приходили молодые поэты и прозаики. . . »³. Вспоминая об этих годах Назиров в 1996 г. не без гордости напишет: «Сам я писал много и бойко, меня ценили за легкий слог, но главным моим честолюбием было открывать и печатать новых поэтов. То это были стихи, присланные из армии Марселем Гафуровым, то свежие, диковатые стихи студента Газима Шафикова⁴, то беспутного, но очень талантливого Эдика Година, то Стаськи Суцевского. Я пытался спасти замечательного поэта Женьку Тареева, но он спился и пропал. Кому-то я помог в жизни. . . не все удалось»⁵.

В начале 60-х годов журналистская деятельность Назирова завершается. Происходят изменения и в личной жизни: он женится на Т. Н. Барышниковой, рождаются дети, а в 1962 г. поступает в очную аспирантуру филфака МГУ. Предположительно в это же время Назиров окончательно теряет интерес к стихотворчеству, но еще продолжает думать о карьере писателя. В его дневниках появляются мысли следующего характера: «Удивительно, как быстро меняется моя жизнь. Переход количества в качество. Видимо, поэтому я сейчас совсем не могу писать стихов. Всякая рифма — ложь»¹.

* * *

Поэтические опыты занимают значительное и особое место в творческом наследии Р. Г. Назирова, требуют дальнейшего и самого пристального изучения, хотя бы потому, что они оказали сильное влияние на формирование его личности, а также научные труды и предпочтения, в процессе литературоведческих исследований; способствовали развитию интуиции. Ведь даже постепенно отойдя от писательского дискурса к научному, Назиров, на наш взгляд, продолжал в своей работе использовать принципы и методы, по которым создаются литературно-художественные тексты. И поэтому можно согласиться с мнением Б. Орехова и С. Шаулова, что: «Если раньше особенный стиль его печатных работ воспринимался изолированно, как нетипичная для ученого риторическая стратегия, теперь, на фоне его многочисленных художественных занятий, становится ясно, что Назиров никогда не переставал быть писателем»². Что в нем очень много черт, которые позволяют отнести его к особому типу ученого — «писателя-литературоведа» (В. В. Борисова)³.

³Там же. С. 95.

⁴Известные впоследствии общественные деятели и писатели Башкортостана.

⁵Назиров Р. Г. Раз в жизни повезло // Назировский архив. 2015. № 4. С. 103.

¹Орехов Б. В., Шаулов С. С. Очерк научной биографии Р. Г. Назирова // Назировский архив. 2015. № 2. С. 99.

²Орехов Б. В., Шаулов С. С. Наследие Р. Г. Назирова до и после открытия архива // Назировский архив. 2014. № 4. С. 143.

³Борисова В. В. Р. Г. Назиров — писатель-литературовед // Назировский архив. 2016. № 2. С. 173.

Возможно этим обстоятельством объясняется и его интерес к изучению фольклорных сюжетов, древних фабул и мифов, который в конечном счете завершился попыткой создания «обобщённой картины мира, цельной модели, объясняющей исторические процессы в культуре человечества»⁴. А сами исследования, выполненные по строгим академическим канонам, написаны языком, в котором есть тщательно скрываема автором эмоциональность, художественная насыщенность слова⁵.

Однако формула: «писатель-дилетант, в итоге ставший выдающимся ученым» явно неприемима к такой сложной, во многом противоречивой, личности какой был Назиров, поскольку и его дальнейшая научная карьера плохо укладывается в рамки обывательских стратегий. Так, после окончания аспирантуры в 1966 г. он возвращается в Уфу и устраивается на работу в Башкирский государственный университет. В том же году защищает кандидатскую диссертацию в Москве, после чего получает должность старшего преподавателя кафедры русской (зарубежной) литературы и даже некоторое время исполняет обязанности декана. Назиров принимает активное участие в жизни факультета, имеет все возможности для продолжения карьерного роста. Однако с середины 1970-х годов, по мере того как он все больше погружается в свои научные изыскания, начинается процесс самоустранения и отхода Назирова от общественной и административной деятельности. Параллельно, он изредка печатается в изданиях союзного уровня, и на равных общается с такими корифеями филологической науки как, например, Г. М. Фридлендер. Принимается писать докторскую диссертацию по теме сравнительной истории фабул. К началу 1980-х годов она уже полностью готова, но Назиров явно не спешит с защитой, хотя ректор направляет письмо в издательство Саратовского университета с просьбой ускорить публикацию монографии Назирова для защиты докторской. Монография «Творческие принципы Достоевского» издается в 1982-м, став единственной (из книг) прижизненной публикацией ученого. В 1995 году в Екатеринбурге ему все же присваивают докторскую степень, однако на защиту выносятся не сам текст, а лишь автореферат диссертации в виде доклада. Случай далеко нетипичный для российской науки. В это же время вновь происходят кардинальные изменения в личной жизни: Назиров разводится с женой, но при этом продолжает много работать, читает лекции. С 2000-го у него появляются депрессивные настроения, он болеет и, видимо, тяжело страдает от одиночества, а 16 января 2004 года умирает в больнице, не дожив трех недель до своего 70-летия¹.

⁴Орехов Б. В., Шаулов С. С. Очерк научной биографии Р. Г. Назирова // Назировский архив. 2015. № 2. С. 114.

⁵С точки зрения социологии, такое стремление к «универсализму» у Назирова можно объяснить социокультурными особенностями характерными для людей «традиционного общества». К примеру, американский социолог Т. Парсонс выделял пять отличительных ролевых принципов, которые существуют в обществах современного и традиционного типа. Один из них — «диффузность/специфичность» указывает на то, что в традиционных культурах одни и те же люди могут выполнять множество ролей, господствует ролевая диффузия, т. е. нет прикрепления одной функции к одному индивиду. В то время как в обществах современных идет постоянная специализация и дифференциация функций отдельного человека. Вероятно, отсюда и способность, прежде всего Назирова-поэта, легко «переключаться» на создание текстов различного жанра и степени сложности.

¹Орехов Б. В., Шаулов С. С. Очерк научной биографии Р. Г. Назирова // Назировский архив. 2015. № 2. С. 104–116.

После смерти Назирова открывается архив ученого, значение и содержание которого до последнего было скрыто от близких и знакомых Ромэна Гафановича. И сегодня исследователи его творчества говорят о своего рода «загадке» назировского архива, имея в виду, конечно, не сам архив, а многогранную личность Назирова, поскольку сложно понять: по какой причине он, написав большое количество уже готовых статей и монографий, опубликовал в итоге лишь малую часть. Ведь в этом был огромный риск, поскольку архив мог подвергнуться уничтожению или просто попасть не в те руки. Об этом остается теперь только гадать. Возможно по причине того, что изложив заветные мысли на бумаге, Назиров считал свою миссию отчасти уже выполненной, а может быть потому, что где-то на дне души его грыз червь глубокого разочарования, несбывшихся надежд, а ценность научных трудов была для него самого важным, но не главным смыслом прожитой жизни.

